

УДК 821.111

ББК 83.3

*И.В. Морозова***КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В РОМАНЕ КОЛСОНА УАЙТХЕДА
«ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»**

Статья посвящена феномену коллективной памяти в получившем Пулитцеровскую премию романе Колсона Уайтхеда. Американский автор использует модель «невольничьих повествований», исторические документы и элементы фантастики для создания нарратива, способного соответствовать мифологизирующей функции коллективной памяти афроамериканцев о рабстве. Эта память оказывается тесно связана с историей черной женщины в Америке. В статье рассматривается также и структура повествования.

Ключевые слова: литература США, коллективная память, Колсон Уайтхед, «Подземная железная дорога».

Роман американского писателя Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога» (*The Underground Railroad*), повествующий об ужасах жизни рабов на довоенном Юге и о бегстве молоденькой рабыни Кору с плантации, ее долгом и мучительном пути к свободе, вышел в свет в 2016 г. Он моментально попал в список бестселлеров *New York Times*, и в 2016–2017 гг. стал лауреатом ряда престижных американских премий – Национальной книжной и Пулицеровской в категории «Художественная литература», Мемориальной премии Джона Кэмпбелла (за лучший фантастический роман), а также британской премии Артура Ч. Кларка (за лучший научно-фантастический роман).

«Подземная железная дорога», как и многие современные художественные тексты, представляет собой некий гибридный жанр, близкий к историографическому роману, в котором находится место и документальным фактам, и художественной типизации, и фантастике. Уайтхед в своем повествовании, актуализируя сущностные для афроамериканской словесности жанровые модели «невольничьего повествования» и повествования школы «героических беглецов», создает текст, способный синтезировать многочисленные нарративы о рабстве, обладающие своей особой топикой. Топосы дороги, бегства, одиночества и обретения свободы в романе Уайтхеда свидетельствуют о том, как история через воспоминание становится мифом, что вовсе не делает её нереальной – именно так она и становится реальностью в смысле постоянной и формирующей силы, в которой аккумулируется коллективная память. Текст сочетает в себе и эмпирические факты, и документ, и исторические аллюзии, образы, характерные для афроамериканской ментальности, и элементы фантастики, подчеркивающие мифологизирующую способность коллективной памяти.

Представляется важным отметить, что роман во многом явился рефлексией на научно-общественный дискурс конца XX в., когда появились исследования, в которых прошлое подвергается тщательному пересмотру исходя из принципов новых концепций взаимоотношений исторического знания и феномена коллективной памяти. Примером такого исследования прошлого может, например, служить нашумевшая книга Джой Дегруи «Постравматический синдром раба» (2005), в которой автор доказывает, что столетия рабства, вся система расизма и насилия в прошлом, вызывают унаследованное малоадаптивное поведение афроамериканцев в настоящем, которое можно отнести к стратегии самовывживания [2]. Такое поведение сохраняется, даже когда исчезает собственно породивший его контекст, что свидетельствует о силе коллективной памяти.

Появились так называемые «нео-невольничьи повествования», призванные сквозь призму топики канонического повествования рабов найти ключ к решению сегодняшних проблем. К числу важных топосов афроамериканского текста относится и подземная железная дорога. Традиционно считается, что она имела довольно разветвленную сеть различных троп и укромных мест (станций), находящихся практически на всей территории Юга. Однако, как доказывают некоторые современные исследователи, такое представление относится к разряду мифов. Так, Майкл Чессон, например, пишет, что карты этой дороги необычайно лживы. Они показывают, что дороги побега были организованы на Глубоком Юге – в Луизиане, Миссисипи, Алабаме, Джорджии и Южной Каролине, и направлялись к свободным штатам и Канаде. «Удивительно, – не без сарказма пишет историк, – но эти же карты показывают и пути, ведущие с юга Джорджии во Флориду (...) одна ветвь обозначена «на Багамы». Вне сомнения, рабы, следовавшие по этому пути, должны были использовать подлодки,

чтобы завершить свое путешествие. Так что Подземная железная дорога была и Подводной железной дорогой тоже» [1].

Ученый доказывает, что подземная железная дорога никогда не действовала на территории южных штатов, она начиналась только после пересечения Огайо. Так что рабам самостоятельно приходилось пробираться на Север, где они могли найти посильную помощь проводников, направляющих их в другие свободные штаты, а после принятия «закона о беглых рабах» в 1850 г. – в Канаду.

Колсон Уайтхед, напротив, изображает в своем романе эту дорогу как реальные железнодорожные пути под землей, и она становится метафорой всего долгого пути к свободе, который и по сей день совершает черное население Америки. Автор намеренно показывает ее функционирующей в южных штатах и акцентирует внимание на том, что ее строителями были сами бывшие рабы, тем самым подчеркивая вклад рабов в свое освобождение.

В тексте можно найти прямые соответствия с историями сотен беглецов – в особенности, беглянок – о разлучении семей, о физических истязаниях на плантациях, собранных в самом, пожалуй, знаменитом документальном труде о бегстве из рабства, книге Уильяма Стилла «Архивы подземной железной дороги» (*The Underground Railroad Records*), вышедшей еще в 1872 г. Уильям Стилл, знаменитый активист Пенсильванского антирабовладельческого общества, лично участвовал в помощи беглецам и интервьюировал практически каждого из них, а впоследствии вступал со многими в переписку, из которой узнавал о том, как сложились судьбы бывших рабов.

Можно усмотреть в романе и прямые аналогии с фактами жизни Хэрриот Табмен, наверное, самого знаменитого «проводника» подземной железной дороги. Ее прозвали «Моисеем» за неустанный труд по освобождению рабов, и теперь Табмен стала уже национальной героиней, чей портрет скоро заменит портрет рабовладельца Эндрю Джексона на 20-долларовой купюре. Героиня романа Уайтхеда Кора поступает точно так же, как поступила в свое время Табмен: еще 13-летней девочкой она заступилась за беглого раба, за что получила удар в голову, и эта травма напоминала о себе в течение всей ее жизни. По свидетельству Табмен, именно тогда она стала задумываться о бегстве, что после подобного эпизода делает и Кора в романе.

Эпизод с белыми аболиционистами Мартином и Этель, укрывшими Кору на чердаке своего дома, вызывает аллюзию на квакеров Леви и Катарину Коффинов, известных деятелей аболиционистского движения, чей дом в Фаунтин-Сити (штат Индиана) часто называли «Центральным вокзалом Подземной железной дороги». Хотя, конечно, расправа над романскими персонажами ужасна (разъяренная толпа забивает их камнями) и не имеет ничего общего с судьбой Коффинов, тем не менее, на долю этих супругов выпала весьма тяжелая пора, когда от них отвернулись все соседи и их даже выгнали из церкви за их аболиционистскую деятельность. Эта пара, очевидно, в свое время и для Бичер-Стоу послужила прототипом квакеров Симеона и Рейчел Холлидей, спасших Элизу после пересечения ею Огайо.

Эпизод с «дурной кровью», которую якобы пытаются излечить такие, на первый взгляд, понимающие жители Южной Каролины, где Кора находит временную передышку после побега из Джорджии, оказывается двойником реальных событий в Таскиги (шт. Алабама), где с 1932 по 1972 гг. под эгидой общественного здравоохранения США на жителях этого маленького городка, имеющего исключительно черное население, проводился печально известный медицинский эксперимент по исследованию всех стадий заболевания сифилисом.

Коммуна черных рабов в Индиане, изображенная Уайтхедом, безусловно, ассоциируется с реальными черными поселениями, во множестве возникшими на Юге в период Реконструкции в последней трети XIX в., и в совершенно небольшом количестве сохранившими свою черную идентичность в настоящее время (например, Итонвилл во Флориде или уже упомянутый Таскиги).

Весьма важным в понимании метафорического пути к освобождению, который проделывает главная героиня романа, оказываются паратекстуальные элементы романа. Прежде всего, обращают на себя внимание названия глав: «Аджарри», «Джорджия», «Риджуэй», «Южная Каролина», «Стивенс», «Северная Каролина» и т.д. Они выглядят как названия станций, ведущих поезд к последней главе, станции «Север», которая всегда в сознании черных рабов ассоциировался с обретением свободы.

Важным в понимании внутренней логики названия глав является то, что имена героев романа перемежаются с географическими названиями штатов (Аджарри – Джорджия, Риджуэй – Южная Каролина, и т. д.), с которыми тесно связана жизнь Кору, при этом эти имена составляют своеобразные пары с названиями штатов: главы с именами персонажей предваряют главы с названиями штатов.

Каждый из персонажей, чье имя вынесено в заглавие романа, персонифицирует общий исторический опыт черного человека в Америке. А последующая глава презентует коллективный, деперсонализированный опыт афроамериканцев.

Так, в главе «Аджарри» повествуется о судьбе бабушки главной героини, похищенной в Африке, переправленной через океан на невольничьем корабле, претерпевшей насилие, унижение и целый ряд перепродаж, но не утратившей тягу к свободе, унаследованную ее дочерью Мэйбл и внучкой Корой. В истории Аджарри индивидуализирован коллективный опыт всего первого поколения африканских рабов.

Следующая за этой глава «Джорджия» становится воплощением топоса плантационного Юга и ужаса рабовладения с его насилием, жестокостью и безысходностью. Автор использует практически все семантическое поле топоса плантации, выявляемого в «невольничьих повествованиях» и повествованиях «героических беглецов». Так, например, плантация, разделенная пополам между двумя братьями (жестоким и более мягким по характеру и по отношению к рабам), призвана передать идею о бесчеловечном характере рабовладения, его аморальной сущности и зыбкости положения раба – ведь после смерти слабохарактерного Джеймса вся плантация отходит Терренсу, воплощению жестокости. Колсон Уайтхед практически иллюстрирует здесь утверждение Фредерика Дугласа о том, что рабство одинаково развращает и раба, и рабовладельца [3]. Насилие физическое и моральное, когда вопрос выживания для раба становится основным, заставляет его предавать своих соплеменников, в мире плантации нет места сочувствию и взаимопомощи.

Героем следующей главы «Риджуэй» становится неотъемлемый атрибут южной жизни – ловец беглецов, отправляющийся на поиски Кору. Его желание поймать беглянку усиливается и желанием отомстить Мэйбл, матери Кору, которой много лет тому назад удалось ускользнуть из его рук. Его фигура, с одной стороны, противопоставлена всем рабам, а с другой – является непосредственным продуктом рабовладения. В его образе воплощена идеология белого супрематизма, безграничной жестокости и бездушия власти белого человека, относящегося к черным как к вещи. Особенно ярко эта идея выражена в сцене убийства пойманного раба Джаспера, пригрозившего ловцу божьей карой. Риджуэй хладнокровно стреляет ему в лицо, говоря о том, что цена за его поимку никак не позволит компенсировать затраты на его доставку хозяину.

Риджуэй является выразителем идеи «американизма» с ее концепцией избранничества и мессианства. Так, особый цинизм «ловца душ» проявляется в том, что он постоянно философствует перед пойманными им рабами: «Я предпочитаю Американский дух, тот самый, что позвал нас из Старого Света в Новый, чтобы сражаться, строить и цивилизовать. И разрушать, то, что подлежит разрушению. Возвышать низшие расы. Если не получится возвысить, то поработить. Не получится поработить, то тогда истребить. Это наше божественное предназначение, американский императив» [4. С. 221-222].

Хладнокровный расист Риджуэй предвзрывает описание Южной Каролины с ее бесчеловечными медицинскими экспериментами над ничего не подозревающими наивными беглецами, обманутыми кажущейся заботой о них белых жителей. Так, следующая глава «Стивенс» посвящена доктору, стерилизующему женщин, и ради научных целей покупающему выкопанные из могил трупы черного населения. Эта глава составляет пару с главой «Северной Каролина», где описывается жестокость и цинизм жителей, расправляющихся с одинаковым остервенением как с беглыми рабами, так и с белыми аболиционистами. Ужасы системы насилия образно выражены в «Тропе свободы», усеянной трупами искалеченных беглецов, «свисающих с деревьев, словно гниющие украшения» и напоминающих об экспериментах доктора Стивенса.

В образе Этель, по имени которой названа следующая глава, Колсон Уайтхед раскрывает еще одну сторону расистского сознания. То, что жена проводника подземной железной дороги Мартина скрывает Кору на чердаке своего дома, вовсе не означает ее искреннего сочувствия девушке. «Рабство как нравственная проблема никогда не интересовало Этель», – отмечает автор [4. С. 195]. Ее увлеченная миссия быть покровительницей черной расы, проповедницей христианства, по воле Господа «ведущей дикарей к свету», в благодарность за что, как с иронией пишет Уайтхед, «все ниггеры поднимают ее до небес, восхваляя ее имя – Этель, Этель» [4. С. 191]. Ее расизм не столь циничен и откровенен, как расизм Риджуэя, но от этого не менее содержателен. Перефразируя знаменитый южный концепт «моя большая семья, белая и черная», Уайтхед отмечает: «Этель думала, что раб – это тот, кто живет в твоём доме как семья, но не является ею» [4. С. 192].

Мученическая смерть Этель, в которой видится аллюзия на фолкнеровскую метафору «мы здесь все распяты на черном кресте» (Этель предает ее служанка), ни в коей мере не возвышает эту героиню. В лице Этель осуждается тот же белый супрематизм, его, скажем так, цивилизованная форма, прикрываемая христианским благочестием, и утверждается мысль о глубинной порочности этой идеологии, которая, подобно Кроносу, пожирает своих же детей.

Гибель Этель ассоциирована в следующей главе с землей в Теннесси, которая имеет вид постапокалипсического выжженного пространства и символически выражает то, что оставляет после себя белый супрематизм. В Теннесси Кора, схваченная Риджуэем, оказывается в компании с еще двумя чернокожими – Джаспером, глубоко верующим христианином, не противящимся злу, и Гомером, освобожденным Риджуэем от рабства, но слепо следующим за ним. По сути, перед нами предстают три типа сознания черного человека: конформистского, предающего интересы своей расы, и свободолобного, воплощенного в Коре. Она осознает, что ее жизнь и свобода были оплачены смертью очень многих людей, и находит в себе силы справиться с Риджуэем, чтобы совершить очередной побег.

Главы «Цезарь» и «Индиана» объединены идеей рождения свободного черного человека. Цезарь, вовлекший Кору в побег, погибает, но его смерть служит залогом освобождения Кору. Его образ весьма важен в понимании формирования сознания свободного человека, которое приходит на смену рабскому. Так, неслучайно только Цезарь помнит точную дату своего рождения, в отличие от всех остальных черных героев этой книги. Дата рождения – это, пожалуй, главное «общее место» в афроамериканской традиции, поскольку ее неопределенность сигнализировала о неполноценности раба и невозможности самоидентификации. Поэтому именно Цезарь, отчетливо помнящий свое детство и своих родителей (что весьма заметно отличает его от своих соплеменников, разлученных с родными или вследствие насилия со стороны белого хозяина имеющих только мать), способен понять ценность свободы и бороться если не за свою собственную, то за свободу другого.

Свободное существование черного сообщества показано в главе «Индиана», где автор повествует о трудностях его становления и хрупкости его существования даже на территории, где никогда не существовало рабства (Индиана – северный штат, который вошел в состав США только в 1819 г.). На примере фермы Валентайна, Уайтхед показывает не только позитивные моменты самостоятельной жизни черных, но и вскрывает внутренние противоречия этого сообщества, безусловно, соотнося их с дебатами по поводу самоопределения афроамериканцев, длящимися почти два столетия. Джон Валентайн и его оппонент Минго представляют два взгляда на развитие афроамериканцев. Если Джон считает необходимым помогать всем черным, невзирая на их социальное положение, то Минго уверен в том, что расовый подъем возможен только при опоре на свободно рожденного афроамериканца, его интеллект, дисциплину, что требует отделения организованных черных от тех, кто не дотягивает до положения свободного афроамериканца (причем беглецы здесь ставятся в ряд с пьяницами и преступниками, поскольку они уже заражены ядом рабства).

Образ книги, мотив чтения, как и в классическом невольничьем повествовании, становятся здесь центральными, обуславливающими формирование нового, свободного, сознания. Одна из героинь вспоминает, как ее хозяин говорил: «...единственно, что еще более опасно, чем ниггер с ружьем (...) это ниггер с книгой» [4. С. 273]. Данная сентенция, без сомнения вызывает в памяти знаменитую фразу Фредерика Дугласа о том, что образование и рабство несовместны [3]. Поэтому одной из главных забот этого черного поселения является строительство вдали от коптильни новой библиотеки, хранилища знаний, огражденного от возможного пожара. Однако не коптильня становится источником пожара, уничтожившего ее и весь поселок. На поселение нападают «Ловцы душ» вместе с белыми, недовольными растущим благосостоянием черного поселения. Это нападение, безусловно, вызывает исторические аллюзии на расправы Ку-клукс-клана над черным населением во времена Реконструкции.

Глава «Мэйбл» повествует о гибели матери Кору от укуса змеи, когда та, убежав с плантации, решила вернуться за дочерью. В последней главе «Север» завершается описание бегства Кору от преследования Риджуэя, символически гибнущего в тоннеле подземной железной дороги, что позволяет ей вновь отправиться в путь на Север. Эти две последние главы объединены мыслью о свободе, полученной в результате тяжелейшего опыта рабства, основанного на гибели многих поколений беглецов, о свободе, конечный пункт которой далеко не определен, определено лишь направление движения к ней. Поэтому финал романа можно назвать открытым: мы ничего не знаем о том, что будет с Корой, но знаем то, что она направляется по туннелю, скорее всего, за пределы США, поскольку Индиана находится практически на границе США и Канады.

Физическое перемещение Кору по штатам позволяет проследить не только все главные топосы афроамериканского нарратива о рабстве и бегстве из него: такие, как одиночество, сиротство, трудности самоидентификации, тяга к грамоте, предательство, власть и цинизм белого человека, насилие и т. д. Герои романа откровенно воплощают в себе основные типологические черты южного сообщества, созданные в невольничьих повествованиях.

Представляется, вместе с тем, что физическое перемещение связано и с поэтикой тела, ибо посредством тела Кора осознает личную свободу. Понимание принадлежности тела самой себе сопрягается с пониманием себя как личности. Именно поэтому автор постоянно говорит о рабстве как о системе, восполняющей растущую необходимость в черных телах для растущих полей хлопка, поэтому возникают и эпизоды с медицинскими экспериментами и обилием трупов, гниющих или лежащих на прозекторских столах. Не случайно центральным эпизодом пребывания Кору в Южной Каролине, наряду с медицинским экспериментом, становится ее работа в музее южного быта, где ее тело становится экспонатом наряду с другими телами черных девушек, в то время как белых хозяев изображают манекены.

Мысль о принадлежности собственного тела черному человеку отчетливо отражена и в паратекстуальном компоненте романа: перед каждой главой, посвященной месту пребывания героини, Уайтхед помещает объявление о поимке беглянок. Первые пять являются подлинными документами рабовладельческих времен. Обращают на себя внимание повторяющиеся в них элементы – стоимость, которой может оцениваться вещь (тело как вещь). А фраза “passing for white” («сойти за белого»), возникающая в одном из объявлений, свидетельствующая о насилии белого хозяина над принадлежащим ему черным телом, является одной из центральных в дискурсе о самоидентификации афроамериканца. В последнем, фикциональном, объявлении, касающемся Кору, и открывающем главу «Север», уже нет этих маркеров «непринадлежности» себе. Их заменяет фраза «она никогда не была ничьей собственностью», что, несомненно, свидетельствует, о том, что понимание свободы связано с пониманием атрибуции своего тела самому себе.

Очевидно, таким образом, что частная история Кору, воссоздаваемая Уайтхедом по канонам традиционных невольничьих повествований, вбирает в себя весь массив коллективной памяти афроамериканцев с устойчивыми топосами. Об этом свидетельствует нарочитое несоблюдение временных рамок в романе и игра Уайтхеда с национальными культурно-историческими символами. Так, например, Ку-клукс-клан, разгромивший ферму в Индиане, был образован не до, а после войны, во время Реконструкции. Конечно, в довоенную пору в Южной Каролине не могло быть и небоскребов, поражающих воображение Кору, привыкшей к хижинам на плантации. Медицинский эксперимент Таскиги, как уже говорилось, также осуществлялся уже в XX в. «Тропа свободы» в ее реальном виде – это выложенные красным кирпичом в 1951 г. четыре километра туристического маршрута в Бостоне с памятными знаками, рассказывающими о самых значительных для истории США событиях, происходивших в этом городе, колыбели Американской революции. Не могло тогда существовать и музеев, посвященных истории плантаций на Юге; они в изрядном количестве появились уже во второй половине XX в. в отреставрированных домах белых плантаторов. Не была, как известно, и дорога спасения беглецов реальными железнодорожными путями с вагончиками и локомотивами, которые подробно описывает Уайтхед.

Однако намеренные нарушения хронологии и фактов только подчеркивают мысль о том, что задачей Колсона Уайтхеда было создание такого текста, в котором его семантическое поле вобрало бы коллективную память афроамериканцев, навсегда соотнесенную с проживаемой реальностью. В этом смысле, конечно, эпизоды с музеем, небоскребами и «Тропой свободы» заставляют читателя обнаружить в повествовании аллюзии на современную Америку, не избавившую своих граждан от унижения и расизма. В романе присутствует и открытое обвинение американского общества в белом супрематизме. В главе «Индиана» один из уцелевших черных жителей уничтоженного белыми поселка говорит об Америке и свободе как одном большом обмане, иллюзии: «То, что мы можем избавиться от рабства – это одна иллюзия (...) И Америка тоже обман, самый великий из всех. Белая раса верит – и верит всем сердцем – что это ее право владеть землей. Убивать индейцев. Вести войны. Обращать в рабов своих братьев. Если бы только на земле была справедливость, эта нация не должна была бы существовать, так как основана она на убийстве, воровстве и жестокости» [4. С. 285].

Важно отметить, что коллективная память о рабстве сопряжена в романе с ее индивидуальным носителем – женщиной, ибо именно ей, к которой на Юге всегда относились как к «низшему полу низшей расы», пришлось перенести самые ужасные испытания на пути к свободе. Фредерик Дуглас в

своей автобиографии сказал, что когда будет написана истинная история антирабовладельческого движения, женщина займет на ее страницах самое важное место, поскольку удел раба был более всего женской долей [3]. Именно поэтому коллективная память афроамериканцев у Колсона Уайтхеда соотнесена с индивидуальной судьбой женщины, на долю которой выпали самые страшные унижения как со стороны белых, так и своих черных братьев, но не только не сломили ее, а напротив, сделали носителем духа свободы.

Думается, что успех романа обеспечен обращением К. Уайтхеда не просто к историческим фактам, но именно к феномену коллективной памяти афроамериканцев, сопоставимой с культурной, исторической и коллективной памятью всей нации. Мифологизирующая функция коллективной памяти весьма удачно нашла свое художественное отражение в сплавле документального и художественного повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chesson M.B. Schoolbooks Teach Falsehoods and Feel-Good Myths About the Underground Railroad and Harriet Tubman [Электронный ресурс] // The Textbook Letter. Vol. 12, No. 1. URL: <http://www.textbookleague.org/121tubby.htm>.
2. DeGruy J. Post Traumatic Slave Syndrome: America's Legacy of Enduring Injury and Healing Milwaukie, Oregon: Uptone Press, 2005. 235 p.
3. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass (SparkNotes Literature Guide // Study Guide Edition, Kindle Edition, 2005. 109 p.
4. Whitehead C. The Underground Railroad. New York: Doubleday, 2016. 306 p.

Поступила в редакцию 10.08.2018

Морозова Ирина Васильевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры сравнительной истории литератур
Институт филологии и истории ФГБОУ ВО «Российский Государственный Гуманитарный Университет»
125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., 6
E-mail: irinamoro@gmail.com

I.V. Morozova

COLLECTIVE MEMORY IN *THE UNDERGROUND RAILROAD* BY COLSON WHITEHEAD

The article deals with the phenomenon of collective memory in the Pulitzer Prize novel *The Underground Railroad* by Colson Whitehead. The American author uses slave narratives model, historical documents, fantastic elements that help to create the narration relevant to the myth-making ability of African American collective memory about slavery. This memory is closely connected with the history of black women. The article discusses the narrative structure as well.

Keywords: the USA Literature, collective memory, Colson Whitehead, “The Underground Railroad”.

REFERENCES

1. Chesson M.B. Schoolbooks Teach Falsehoods and Feel-Good Myths About the Underground Railroad and Harriet Tubman // The Textbook Letter. Vol. 12, No. 1. URL: <http://www.textbookleague.org/121tubby.htm> (In English).
2. DeGruy J. Post Traumatic Slave Syndrome: America's Legacy of Enduring Injury and Healing Milwaukie, Oregon: Uptone Press, 2005. 235 p. (In English).
3. Douglass F. Narrative of the Life of Frederick Douglass (SparkNotes Literature Guide // Study Guide Edition, Kindle Edition, 2005. 109 p. (In English).
4. Whitehead C. The Underground Railroad. New York: Doubleday, 2016. 306 p. (In English).

Received 10.08.2018

Morozova I.V., Doctor of Philology, Professor at Department of Comparative History of Literature
Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq., 6, Moscow, Russia, 125993
E-mail: irinamoro@gmail.com